

политика

М.М.Лебедева

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО КРИЗИСА

Кризис, охвативший современный мир, является одной из наиболее дискутируемых проблем сегодняшнего дня. От обсуждения финансовых его аспектов перешли к экономическим, а потом и к более общим. Несомненно, что на развитие кризиса повлияли и финансовые, и экономические, и многие другие факторы. Однако представляется, что глобальный кризис, с которым мы столкнулись, стал прежде всего следствием кризиса Вестфальской (государствоцентричной) системы мироустройства.

То, что нынешний финансовый и экономический кризис есть, по сути, проявление кризиса политического, на интуитивном уровне понимают многие. Необходимо подчеркнуть только, что в отличие от других кризисов, которые порождались или сопровождались политическими сбоями, современный обусловлен проблемами не одного или нескольких государств, а именно политической системы мира как таковой.

О связи дисфункций в работе экономических механизмов с Вестфальской системой еще 10 лет назад писала английская исследовательница С.Стрэндж¹. Анализируя причины финансового кризиса конца 1990-х годов, она пришла к заключению, что интересы национальных государств вступают в противоречие с принципами функционирования мировой экономики.

В настоящее время ситуация еще больше осложнилась. Государствоцентричная модель организации мира все чаще оказывается слишком узкой для современных реалий. Выход за пределы установленных ею «правил» проявляется во всех областях, особенно в конфликтных ситуациях². И финансово-экономический кризис здесь, похоже, не исключение. Система, в которой государства «отвечали за все», утрачивает эффективность, и, как следствие, мир становится плохо управляемым.

За свою 360-летнюю историю мировая политическая система, входящая к Вестфальскому миру 1648 г., безусловно, значительно эволюционировала. Важнейшим этапом на этом пути было превращение ее из системы, фактически охватывающей лишь часть европейских государств, в действительно глобальную. De jure весь мир стал представлять собой единую систему национальных государств, которые взаимодействуют между собой на основе международного права. И здесь кроется одна из первых причин того, почему государства сейчас неспособны «отвечать за все», — слишком разными оказались сами эти государства.

¹ Strange 1999.

² Лебедева 2008а.

Разумеется, государства никогда не были однородными. Они различались по множеству параметров. Однако сегодня они по-разному относятся к тому, что составляет стержень политической организации мира, — к самой Вестфальской системе. Строго говоря, в современном мире существует три типа государств — государства модерна (например, КНР, США и др.), предмодерна (Сомали, Афганистан и др.) и постмодерна (государства ЕС)³, причем государств последних двух типов, то есть невестфальских, больше, чем собственно вестфальских. Соответственно, их влияние на систему возрастает, приближаясь к критическим значениям⁴.

³ См., напр. Cooper 2002; Cohen 2006.

Предложенная классификация, конечно, условна, и почти в каждом государстве можно найти элементы как модерна, так и пред- и постмодерна. Говоря о принадлежности государств к тому или иному типу, мы имеем в виду лишь доминирующие характеристики.

⁴ Подробнее см. Лебедева 2008б.

Несостоявшиеся и непризнанные государства, а также государства, игнорирующие принципы, лежащие в основе международных отношений, все чаще дают о себе знать, создавая общемировые проблемы (пиратство, вооруженные конфликты и т.п.). «Плохая управляемость» побуждает к безответственности и других акторов мировой политической системы, государственных и негосударственных, что еще больше ослабляет управляемость и в итоге ведет к различного рода кризисам. В свою очередь, кризисы, в том числе современный, воздействуют на наиболее слабые структурные звенья системы. Поэтому в ближайшем будущем мы можем ожидать увеличения числа несостоявшихся государств.

⁵ Keohane, Nye 1972.

Вторым значимым моментом в развитии мировой политической системы стал выход на международную арену негосударственных акторов. На данный факт уже более 30 лет назад обратили внимание Дж. Най и Р. Кеохейн⁵. Сегодня процесс транснационализации значительно расширился. Все большее число акторов действует за пределами национальных границ, и практически не осталось сфер, ограниченных рамками национальных государств. Активно транснационализируется даже такая область, как безопасность. С одной стороны, межгосударственное сотрудничество в этой области становится нормой даже при наличии серьезных политических разногласий (например, взаимодействие России и США в борьбе с терроризмом в начале 2000-х годов). С другой стороны, вопросы безопасности передаются на уровень негосударственных акторов, что выразилось, наряду с прочим, в появлении частных военных компаний⁶. Оставаясь бизнес-структурами, эти компании выполняют весьма специфические функции, связанные с обучением военному делу, сопровождением грузов в конфликтных зонах и т.п. Более того, известны случаи, когда подобные структуры привлекались к участию в военных операциях.

⁶ Подробнее см. Сафранчук 2008.

Все эти изменения в мировой политической системе происходят в условиях научно-технической революции, открывшей перед небольшими государствами и даже отдельными группами людей такие возможности для нанесения ущерба своим противникам, которыми в прошлом обладали только супердержавы.

Возрастание глобальных политических рисков является тем фоном, на котором сегодня развивается мировая экономика. Кроме того,

описанные выше процессы вызвали к жизни целый ряд новых феноменов, к числу которых, безусловно, относится размывание ролей и функций акторов, действующих на мировой арене.

Так, обращает на себя внимание, что в последнее время некоторые государства занялись «зарабатыванием» денег, воспроизводя модель поведения, характерную для бизнес-корпораций. Особенно показателен в этом смысле случай с Исландией, которая в большом количестве скупала европейские компании, залезая при этом в долги. В результате она оказалась на грани дефолта. Указанная тенденция тем более опасна, что механизмы, препятствующие подобного рода рискованным действиям со стороны частных структур, оказываются бессильны, когда на рынок выходит национальное государство.

Вместе с тем государства не всегда в полной мере проявляют свою ответственность за процессы, происходящие на национальном уровне, в том числе в сфере экономики. Ярким примером здесь может служить история с жилищным кредитованием в США. Даже когда ситуация приблизилась к критической, мало что было сделано для ее исправления. Разумеется, государства нередко вели себя аналогичным образом и в прошлом. Однако ввиду транснационализации современного мира подобная безответственность вызвала эффект «снежного кома», и проблемы одной страны превратились в проблемы многих. Конечно, не будь США ведущей экономической державой мира, воздействие развертывавшихся там процессов на ситуацию в мире, скорее всего, оказалось бы не таким сильным. Тем не менее возлагать вину за кризис исключительно на США или западный мир в целом, как это порой пытаются сделать⁷, едва ли оправданно с научной точки зрения. Его корни лежат намного глубже, что значительно осложняет как анализ происходящего, так и разработку практических мер, способных нейтрализовать негативные тенденции развития. В мире, где действуют тысячи разнообразных акторов, решения, принятые десятком или несколькими десятками из них (например, двадцаткой наиболее экономически влиятельных стран), вряд ли могут быть эффективными.

В свою очередь, бизнес все более активно вторгается в социальную и политическую сферы. В целом эта тенденция тоже не нова. Крупные корпорации давно занимаются созданием собственных «государств» со своей системой здравоохранения, безопасности, образования и т.п. И хотя степень вовлеченности бизнеса в решение социальных проблем в последние годы заметно возросла, главное заключается в том, что его социальная ответственность стала распространяться вширь, вплоть до глобального уровня. Прежде всего речь идет о так называемом Глобальном договоре, вступившем в силу в 2000 г. и предполагающем охрану окружающей среды, защиту прав человека, противодействие коррупции и т.д. Раньше такого рода ответственность в глобальном масштабе была характерна для межправительственных организаций, ряда государств и некоторых НПО, тогда как бизнес выступал скорее в роли их оппонента.

⁷ См., напр. Чихарев 2009: 13—15.

Очевидно, что подобный поворот в установках крупных корпораций был во многом связан со стремлением повысить доверие и лояльность к своему бизнесу в условиях нарастающего давления со стороны НПО, антиглобалистских движений и т.п. В результате социальная ответственность стала превращаться в одно из конкурентных преимуществ, тем самым побуждая других экономических акторов в большей мере учитывать интересы гражданского общества⁸.

⁸ *Афонцев 2008.*

Одновременно начали создаваться механизмы, позволяющие бизнесу непосредственно влиять на политику⁹. Важнейшей площадкой для диалога между ведущими бизнесменами и политиками является Всемирный экономический форум в Давосе. Аналогичные площадки существуют также на региональном и национальном уровнях. С их помощью бизнес вносит свой вклад в формирование международной повестки дня. И хотя с наступлением кризиса эти площадки серьезно пострадали, следует ожидать их быстрого восстановления, как только ситуация улучшится. Основанием для такого прогноза служит все большая политическая ориентированность бизнеса.

⁹ *Лебедева 2008а: 61–82.*

Таким образом, сегодня государства зачастую действуют по образцу корпораций, а те, со своей стороны, начинают брать на себя функции государств. Сходные изменения претерпевают и функции других акторов. Так, при возникновении острых внутрисубъективных конфликтов их урегулированием нередко занимаются международные организации, регионы ряда стран активно действуют на наднациональном уровне (в частности, в рамках ЕС), а НПО выступают инициаторами межправительственных соглашений. Другими словами, налицо отчетливая тенденция к переплетению функций различных акторов, причем в масштабах, намного превосходящих те, что были в прошлом. Прямое воздействие на положение дел в экономической сфере данный факт, казалось бы, не оказывает (за исключением случаев, подобных исландскому). Однако такое переплетение влечет за собой рост неопределенности: становится все менее понятно, кто и как будет «играть» на мировой сцене. Политические риски усиливаются. А этот фактор уже непосредственно влияет на деловую активность.

Увеличивает неопределенность и снижает эффективность существующих механизмов управления мирополитическими процессами и транснационализация мелкого и среднего бизнеса, то есть компаний с персоналом менее 500 человек. Этот процесс, получивший развитие начиная с 1990-х годов, пока еще слабо изучен. Тем не менее уже можно сказать, что транснационализация среднего и мелкого бизнеса происходит двояким путем: (1) за счет деловой активности за пределами национальных границ, что в современных условиях становится все более реальным благодаря новым технологиям; (2) через создание филиалов на территории других государств. В настоящее время примерно каждое третье предприятие среднего и малого бизнеса в США и каждое седьмое в Японии работает на транснациональном уровне¹⁰.

¹⁰ *Fujita 1995.*

Специфика транснационализации малого и среднего бизнеса заключается в том, что она сопровождается формированием международных альянсов, когда производитель из одной страны объединяется с поставщиком из другой и т.п.¹¹ В результате структуры среднего и малого бизнеса оказываются более гибкими и легче приспосабливаются к новым условиям, чем крупные корпорации, что создает благоприятные возможности для дальнейшей их транснационализации.

¹¹ Бобина, Грачев 2006.

Следует заметить, что наряду с экономикой транснационализируются и другие сферы. Примером может служить развитие интеграции в области высшего образования на европейском континенте. В конечном итоге Болонский процесс призван способствовать повышению мобильности граждан, прежде всего в целях трудоустройства.

Изменения в мировой политической системе вызвали к жизни две разнонаправленные тенденции. Первая тенденция с очевидностью доминирует и связана с усилением взаимодействия между государством и другими акторами, в том числе структурами бизнеса. Частногосударственное партнерство охватывает самые разные сферы, включая сферу безопасности (например, бизнес-структуры привлекаются для борьбы с терроризмом¹²). Активно сотрудничает с частным сектором и представителями гражданского общества такая влиятельная международная организация, как ООН.

¹² Подробнее см. Лебедев 2007.

Вторая тенденция находит выражение в участившихся попытках бизнеса использовать в своих интересах государственные и международные институты, что означает выход коррупции на транснациональный уровень. О масштабах возникшей угрозы свидетельствует, в частности, коррупционный скандал вокруг программы «Нефть в обмен на продовольствие», в котором оказался задействован ряд высокопоставленных чиновников ООН, а общая сумма взяток, по некоторым оценкам, составляла около 1,8 млрд. долл. США¹³.

¹³ <http://www.rian.ru/spravka/201028/41923319.html>.

Таким образом, эволюционные изменения в мировой политической системе, повлекшие за собой размывание прежних «правил игры», создали почву для кризисных явлений в экономике.

В настоящее время существует три подхода к преодолению кризиса. Сторонники первого из них связывают решение нынешних проблем с усилением роли государства и более жестким соблюдением норм Вестфальской системы. Как представляется, подобный путь, de facto равнозначный попытке повернуть историю вспять, ведет в тупик. Вернуться к прежней модели организации мира едва ли удастся хотя бы потому, что сформировались структуры и связи транснационального характера. Бизнес уже невозможно удержать в рамках национальных государств, да и сама система таких государств под влиянием многих факторов оказалась «расшатана».

В основе второго подхода лежит представление о том, что современный кризис по природе своей идентичен тем, что сотрясали мировую экономику в прошлом, и бороться с ним нужно теми же методами. По сути, речь идет о «симптоматическом лечении», не затрагивающем

структурные параметры экономики, не говоря уже о политике. Однако, как показывает практика, традиционный антикризисный инструментарий сегодня во многом утратил свою эффективность.

Наконец, третий подход предполагает учет совокупности структурных сдвигов, произошедших в последние годы в экономической, социальной и политической сферах. Согласно этому подходу, чтобы преодолеть кризисные процессы в экономике, прежде всего необходимо изменить «правила игры» на мировой арене.

Новые «правила игры» должны отвечать мегатрендам мирового развития и отражать современные тенденции в политической архитектуре мира, в первую очередь такие, как многосторонность, то есть кардинальное расширение числа государств, участвующих в решении международных проблем, и многоуровневость, что подразумевает взаимодействие государственных и негосударственных акторов. Одним из примеров многоуровневого и многостороннего принятия решений может служить Всемирный саммит по вопросам информационного общества, во втором раунде которого приняло участие более 19 тыс. человек из 175 стран мира — представители государственных структур, деловых кругов и гражданского общества, а также ряда международных организаций.

Разумеется, подобного рода многосторонность и многоуровневость порождают немало проблем, связанных со сложностью согласований. Однако эти проблемы вполне разрешимы. Весьма перспективной в этом плане представляется так называемая сетевая дипломатия, «опирающаяся на гибкие формы участия в многосторонних структурах»¹⁴ и предполагающая сочетание двухсторонних и многосторонних контактов. Как справедливо отметил министр иностранных дел России С.В.Лавров, в рамках такой дипломатии «всегда найдется место для любой дипломатической комбинации, основанной на позитивных совпадающих интересах сторон»¹⁵.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что без новой политической архитектуры, которая бы позволила эволюционным путем перейти от существующих систем и механизмов глобального управления к новым, отвечающим современным реалиям и тенденциям, миру едва ли удастся избежать кризисных или шоковых вариантов развития.

¹⁴ Концепция 2008.

¹⁵ Лавров 2007.

Библиография

Афонцев С.А. 2008. Транснациональные компании в мировой политике // Лебедева М.М. (ред.) *«Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты.* — М.

Бобина М.А., Грачев М.В. 2006. *Международный бизнес: Стратегия альянсов.* — М.

Концепция внешней политики Российской Федерации. 2008. — М. (<http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>).

Лавров С.В. 2007. «Сетевая дипломатия» сейчас востребована как никогда // *Известия.* 3.01 (<http://www.izvestia.ru/politic/article3099901/>).

Лебедев М.В. 2007. Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом: роль бизнеса // *МЭиМО*. № 3.

Лебедева М.М. 2008а. Рефлексия конфликтов: новое качество старых ситуаций // Богатуров А.Д. (ред.) *Экономика и политика в современных международных конфликтах*. — М.

Лебедева М.М. 2008б. Такие разные государства // Лебедева М.М. (ред.) *«Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты*. — М.

Лебедева М.М. (ред.) 2008в. *Мировая политика: новые проблемы и направления*. — М.

Сафранчук И.А. 2008. Феномен «частной силы»: последствия для государственных и негосударственных акторов // Лебедева М.М. (ред.) *«Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты*. — М.

Чихарев И.А. 2009. Кризис мироустройства // *Полис*. № 3.

Cohen S. 2006. *The Resilience of the State: Democracy and the Challenges of Globalization*. — P.

Cooper R. 2002. The Post Modern State // Leonard V. (ed.) *Re-Ordering the World: The Long-Term Implications of September 11th* (<http://fpc.org.uk/articles/169>).

Fujita M. 1995. Small and Medium-sized Transnational Corporations: Salient Features // *Small Business Economics*. № 7.

Keohane R.O., Nye J.S. 1972. Introduction // Keohane R.O., Nye J.S. (eds.) *Transnational Relations and World Politics*. — Cambridge.

Strange S. 1999. The Westfailure System // *Review of International Studies*. Vol. 25.